

Евгений Бриз

Санаторий «Стереосон»

«Запись 6-А.

Ранним июльским утром я выехал из тумана, окутавшего трассу и всю центральную площадь моего ясного сознания. По-моему, это был 2011 год, но я не уверен. Следует проверить. Хорошо, что в тот момент я взглянул на дисплей мобильного – да, так и есть, уже шесть часов, как наступило восемнадцатое июля 2011 года. Из салона автомобиля неизвестной марки, в котором я ехал, вырывалась агрессивная альтернатива начала двухтысячных. Признаться, не самая благородная музыка, чтобы наслаждаться загородной поездкой. Но ничего не поделаешь, в этот раз я был пассажиром, хоть и находился за рулем, поэтому не приходилось выбирать песни.

Еще полчаса и я лихо, с блокировкой передних колес припарковался возле пятиэтажного дома. Заглушил двигатель, выключил магнитолу и вылез из салона. Ага, это был темно-синий «фольксваген Пассат В5». Мне пришлось изучить многие марки того времени, чтобы получаемая мной информация имела хоть какую-то значимость для дальнейшей работы.

Я зашел в подъезд, взбежал на четвертый этаж и открыл дверь квартиры номер 113. В темном коридоре я разулся, снял ветровку и прошмыгнул в ванную комнату. Наконец-то у меня появилась возможность разглядеть свое лицо во всех подробностях. Что тут сказать... Ума не приложу, сколько яблок мне свалилось на голову, что я вдруг решил выбрать для себя такой имидж. Длинные черные волосы, спадающие на лицо подобно упитанным змеям, серьги в обоих ушах, бакенбарды, плавно перетекающие в бородку (ну, это хотя бы имело благородный подстриженный вид) и несчетное количество аксессуаров – от ошейника и браслетов до череповидных колец на пальцах. Черная футболка с надписями. Но тут я вспомнил про музыку, и все встало на свои места. Я – любитель рока, надо понимать. В лучшем случае, а в худшем – какой-нибудь гот или сатанист. Забавное открытие, однако не идущее ни в какое сравнение с моими предыдущими открытиями: с тем, что я опять писатель с псевдонимом Глен Леонард (вряд ли то было моим настоящим именем) и что жить мне оставалось не так много дней. Теперь я задумался о том, чаще ли смерть приходит к тем, кто пытается изображать ее перед зеркалом?

Я зашел в комнату, заваленную одеждой, книгами и кипами бумаг. Творческая мастерская, не иначе. Видать, я плодовитый автор, раз у меня нет времени даже убрать позавчерашний завтрак со стола и почистить клавиатуру. Я наклонился и нажал кнопку – зашумел системный блок, загорелся монитор. Пока компьютер загружался, я вытащил лежащую под клавиатурой стопку листов и пробежался глазами по хаотично разбросанным по белому полотну каракулям. Ничего не успел понять, кроме отдельных слов. Одно из них мне показалось очень похожим на слово «санаторий». Хм, интересно.

Жидкокристаллический экран явил моему взору несколько не удивившую меня заставку – какая-то рок-группа зажигала во время концерта. Внизу я прочитал ее название – Trust Company. По-моему, то же самое было написано и на моей футболке.

Я вошел в электронную почту, там висело одно новое письмо. Не успел прочитать от кого. Текст письма следующий: «Мы рады подтвердить, что ваш рассказ «Санаторий» победил на конкурсе. Позвоните Ивану Богдановичу, он проинформирует вас о дальнейших действиях и планах».

– Мы едем в «Творческий круиз!» – воскликнул я и отправился на кухню. Там я заварил себе чай и вытащил из холодильника кусок яблочного пирога. Но насладиться трапезой я не успел, так как услышал в мозгу пронзительный писк – пора возвращаться. Меня вновь окутал туман».

– Как прошло погружение? – спросил доктор Орехов, когда я выбрался из сплит-капсулы.

– Где я? Кто вы? – я решил позабавиться, но увидев его округлившиеся глаза (что не предвещало ничего хорошего), тут же сдался. – Ладно, успокойтесь, со мной все в порядке.

– Фух, я бы попросил вас не шутить так, Георгий Аркадьевич.

– Хорошо. Но погружения стали слишком короткими, мне скоро наскучат такие робкие набег на прошлое.

– Вы же не хотите повторного приступа деперсонализации? – как можно более пугающе спросил Орехов. Зря старался, я вовсе не испугался. – Мы будем увеличивать продолжительность погружений с каждым новым разом. Узнали что-нибудь полезное?

Я поправил сбившуюся пижаму и вкратце рассказал ему обо всем, что увидел.

– Значит, Глен получил приглашение в некий круиз, - доктор Орехов задумчиво заходил по процедурной. – Это объясняет наличие воды в вашем последнем стереосне. Нам стоит действовать аккуратно.

– Что вы думаете по поводу рассказа «Санаторий»? – спросил я. – По-вашему, о чем он?

Орехов пожал плечами. Очевидно, этот вопрос интересовал его куда меньше прочих.

– Бог его знает.

– А мог ли Глен...ну, как-нибудь заглянуть в мое сознание?

Доктор усмехнулся и покачал головой:

– Такое невозможно в принципе. Сплит-погружения имеют исключительно одностороннюю связь.

– Понятно.

И все же, мне было любопытно. Жаль, не получилось наткнуться на распечатки этого рассказа или на его аннотацию. Возможно, во время круиза мне удастся поймать нужный момент.

– Возвращайтесь в палату, Георгий Аркадьевич, - посоветовал доктор. – Я пришлю к вам Аллу, она запишет всю собранную вами информацию.

После обеда меня приехала навестить внучка Даша. В этот раз одна, без своего дубоголового ухажера-боксера, чему я несказанно обрадовался. Я старался никогда не вмешиваться в личные дела своих детей и внуков, но порой не мог усидеть на месте, не дав пару ценных советов с высоты прожитых восьми десятков лет, вместивших в себя шесть браков и еще порядка дюжины интрижек разной степени. Будь их меньше, думаю, мои потомки прислушивались бы ко мне куда чаще. Но тут уж ничего не поделаешь. Далеко не всем женщинам, на которых я женился или с которыми заводил романы, приходился по вкусу мой писательский образ жизни. Хотя до росписи им казалось, что с этим проблем не будет. Даю пари, все они втайне мечтали переделать меня, перекроить как плюшевого Кена на свой лад. Но к их несчастью, я был сшит не из того материала.

– Привет, дед, - Даша поцеловала меня в щеку по-деловому сухо, что было на нее похоже. Наверное, только боксеров она умела целовать со всей скрытой страстью.

– Привет, мелкая, - я не церемонился ни с ней, ни с ее полутора метрами на подошве высоких кроссовок. – Последнее время лишь ты меня и навещаешь. Твой отец там хоть живой?

– Да. Как обычно пропадает все выходные на стадионах. У тебя что нового?

– Скоро узнаю, как именно я умер в прошлой жизни.

Даша скривила свое симпатичное лицо:

– Вы все тут извращенцы и мазохисты.

– Не все. Я по делу здесь, если помнишь.

– Ах да, твоя очередная наркоманская книга. Ради этого стоит умереть дважды, - она нарочно пыталась меня разозлить. Я это знал, поэтому не поддался на провокацию, а вместо этого включил философа, читающего нотации:

– Вы, молодежь, живете лишь настоящим, а еще чаще – будущим. Забывая, что когда-то было и прошлое. Причем, не чье-то, а ваше собственное.

– Ой, дед, только не начинай.

Уже начал. Но продолжать не стал. В конце концов, испокон веков разные поколения смотрели на мир разными глазами. И превращаться в брюзжащего старикашку я не имел желания.

Когда Даша ушла, я вернулся в палату и, не дожидаясь Аллы, сам записал все увиденное во время последнего сплит-погружения. Послеобеденный сон выдался беспокойным. Меня все не покидали мысли о том рассказе, почему он назывался именно так? Может, просто совпадение?

«Запись 7-А.

Туман рассеялся, когда я вновь сидел в рок-погребальнице под названием «Пассат В5». Вот же подфартило, лучше бы я оказался за работой над каким-нибудь литературным произведением. Слава Богам, это длилось недолго, я уже парковался возле какого-то кафе. Я зашел внутрь и занял свободный столик в углу зала. В руке болталась сумка с ноутбуком. Неужели мои молитвы оказались услышаны, и Глен приступит к работе прямо здесь и сейчас? Ну, точнее, прямо там и тогда. Я

включил ноутбук, зашел в папку «Черновики». Там висело с полсотни различных файлов. Я открыл файл с названием «Стереосон». И тут меня передернуло. Буквы поплыли перед глазами, руки затряслись. Я не мог понять, с кем это происходило, со мной или с Гленом. Будем считать, что с нами. Я встал и направился в уборную. Умылся холодной водой и уставился на свое отражение.

– Кто ты такой, мать твою? – я не ожидал такого вопроса от самого себя, поэтому меня передернуло повторно. – Что ты делаешь в моей голове?

Кто-то сидел у меня в мозгах, мешал работать над новым рассказом, на который у меня остался всего один день. Может, через зеркало я смогу достучаться до незваного гостя?

Я перестал видеть отражение, потому что его завлекла плотная пелена тумана».

– Кто ты такой, мать твою? – я уставился на человека в белом халате. Нет, сначала это был размытый мазок белой краски на темно-сером полотне и лишь затем мазок превратился в человека.

– Георгий Аркадьевич, я же просил вас оставить шуточки.

– О чем вы, где я? – я начал экстренно расстегивать ремни на торсе. – Это вы залезаете в мой разум?

– Алла, быстро вколите ему ампулу антисна, - приказал щеголь под докторской личиной.

Я не успел расправиться с ремнями, чтобы воспротивиться уколу. А затем было слишком поздно.

– Вам лучше? – доктор Орехов склонился надо мной. Я лежал в своей палате связанный по рукам и ногам.

– Эй, почему я связан?

– Вы мне скажите. Как вас зовут?

– Георгий Джинин, - я удивленно посмотрел на главврача. – В чем дело? Опять деперсонализация?

Орехов облегченно вздохнул и принялся развязывать меня.

– Что-то произошло во время сплит-погружения, - пояснил он. – Неужели мы оказались в точке смерти Глена?

Я напряг память. В первые секунды она частенько напоминала казанок с винегретом, поэтому я попытался разбить фрагменты воспоминаний на составляющие.

– Нет, он узнал о нашем существовании, - я попытался встать, но голова как свинцовая гири потянула меня вновь к магниту-подушке.

– Я же объяснял вам, что это невозможно. Даже в теории.

– Значит, ему плевать на ваши теории, - я пошарил на тумбочке в поисках стакана воды. Горло пересохло, будто я вернулся из пустыни Намиб. – Он напрямую спросил, что я делаю в его голове.

– Спросил у кого? – Орехов явно не верил ни одному моему слову. Или не хотел верить.

– Зашел в уборную, уставился в зеркало и спросил. Это не было галлюцинацией, - я залпом опустошил стакан.

– Любопытно, - только и сказал главврач.

Я думал, стоило ли ему говорить про файл, на который я наткнулся в ноутбуке Глена. Решил, что лучше выложить все как есть.

– А знаете, как назывался рассказ, над которым он работал в тот момент, когда мы его посетили? «Стереосон».

Наверное, для Орехова это стало перебором невероятностей за один день. Он решительно покачал головой:

– Думаю, дело не ограничивается одной лишь деперсонализацией.

– Почему вы так рьяно отвергаете мои факты? – я был близок к глубокой обиде.

– Ваши факты? Главный факт в том, что сплит-погружения это путешествия в прошлые жизни, в прошлые тела через стереосны в исключительном качестве наблюдателя, но никак не активного участника. Вы лишь просматриваете кинолентку прошлого глазами вашего предшественника. Не меняете события, не воздействуете на внутренний мир очевидца своими мыслями и переживаниями. Односторонняя связь. Воздействиям может поддаваться только разум сновидца. Что мы и наблюдаем в вашем случае.

– Но как объяснить эти названия, придуманные Гленом? – не унимался я.

– Возможно, имеет место пластовое наложение проекции ваших знаний на мир Глена. Вы знаете, что находитесь в санатории «Стереосон» и совершаете сплит-погружения в свою предыдущую жизнь,

чтобы написать книгу о возможной взаимосвязи двух ипостасей одной души. Первые прочные нити нам удалось обнаружить, узнав, что Глен Леонард тоже был писателем. Но все осложняет его ранняя и, надо полагать, весьма неприятная смерть. Она – критическая точка, при приближении к которой ваше сознание испытывает чудовищное давление и подвергается межвременной деформации, в результате которой обе картинки наслаиваются друг на друга.

Браво, док, сказал так, будто смерть бывает приятной. Ну, если только во время оргазма в теплой постели, но таких счастливых случаев едва ли наберется на пару сотых процента от общего числа умирающих и погибающих.

– Вы не зря упомянули про писательскую нить, - сказал я. – Почему вы не допускаете возможность того, что Глен еще в те годы, в начале десятых годов, мог придумать сюжет, чем-то похожий на наш с вами мир? Для него это был мир будущего.

– Если допустить вероятность обмена информацией между телами одной души в обратном хронологическом порядке, то человечеству придется пересмотреть многие законы новой теопсихологии и прикладной эзотерики.

Док всегда растаптывал мои гениальные догадки в порошок. Подсознательно я даже начинал его ненавидеть за это.

– Ладно, вам виднее, - я сдался с великой неохотой. Но лишь потому, что мне жутко хотелось отдохнуть. В мои годы частые нервные стрессы были крайне нежелательны, даже в присутствии элитарных врачей Федерации.

– Придется сделать недельный перерыв перед следующим погружением. А пока наслаждайтесь отдыхом в нашем санатории.

Любезностью Орехов никогда не был обделен.

Неделя прошла быстро. Я потратил ее с пользой – написал пару новых глав о той жизни, что еще помнил без всяких стереоснов. О жизни в этом теле. Об известном российском писателе-фантасте Георгии Джинине, на излете творческих лет решившем написать свою главную книгу. Старикам не сидится на месте, а старикам-писателям уж подавно, когда они осознают, что еще не сказали чего-то важного. Я думаю, что намеревался стать первым в своем роде исследователем человеческой души и ее перерождений с того момента, когда человечество открыло для себя стереосны и технологию сплит-погружения. Упустить такую возможность я не мог себе позволить.

Когда я подписывал контракт с санаторием «Стереосон», на бумаге все выглядело лучше не придумаешь. И лишь мелким шрифтом внизу зависли побочные эффекты. Главные из них – деперсонализация и ложное самовосприятие. Иными словами, вы рисковали застрять в сознании своего предшественника, давно покинувшего земное бытие и бродить по аллеям санатория воскресшим пережитком прошлого. Именно поэтому чаще практиковались поверхностные погружения, дающие лишь кинематографическую картинку и звук, а глубокие стереосны с проникновением в глубины сознания очевидца являлись сложными и опасными процессами. Впрочем, именно такие заплывы в нижние слои меня и заинтересовали, иначе я не видел особого смысла братья за столь ответственную миссию, как написание своей эпохальной книги. Тут я некстати узнал про «критическую точку» - момент гибели прошлого тела. Оказаться во время сплит-погружения в этой точке означало крайне неприятную вещь – сам черт сломал бы рога и копыта, пытаясь разобраться в том, что могло с вами произойти после такого опыта. Вы могли отделаться и непродолжительной деперсонализацией, а могли сотворить в своем подсознании новый фантастический мир и увязнуть в нем навсегда. На всякий случай я застраховал свои мозги и прописал в контракте требование усыпить меня как больную собаку, если вдруг я застряну на подобной станции своего нейронного метро.

Что там док нес про пластовое наложение? Он намекал, что я начинаю постепенно срастаться с Гленом Леонардом или что? Но пока я чувствовал себя вполне комфортно, не считая килограмма ваты, которую мне кто-то затолкал в голову.

С Гленом была связана вода. Много воды с характерным привкусом соли. С доктором Ореховым мы пришли к выводу, что он утонул. Я не ставил себе цель подкараулить его за минуту до того момента, как вода начнет заполнять его легкие, но мне хотелось узнать, какой ряд трагических обстоятельств привел его к этой воде.

«Запись 8-А.

Она выглядела как божество на ярмарке язычников, собравшихся в уютном кафе на берегу океана. Нет, это была всего лишь палуба круизного лайнера. Но не в этом суть. Девушка с темно-русскими волосами и голубыми, как июльское небо глазами принесла мне вишневый сок и пачку конфет с ментолом для свежего дыхания. Такое дыхание наверняка понадобится мне грядущим вечером, если я все-таки осмелюсь к ней подойти. И если я осмелюсь пожертвовать своим вечером, когда я должен закончить рассказ для очередного конкурса. Слишком много конкурсов, не превращусь ли я в этакого жеребца-скакуна, то и дело работающего лишь по заданным темам и в определенные сроки? Но в этот раз для конкурса был организован целый круиз, поэтому я не без основания относился к нему серьезно.

– Она хороша, - протянул сидящий рядом парень с неприлично кучерявой головой и в инвалидной коляске. Я сразу понял, про кого он говорил. Официантка Вероника принесла нам наши заказы и чтобы полюбоваться ею вблизи еще раз, пришлось бы вновь обращаться к меню. Оно стало для нас мифической лампой, потеряв которую, из нее появлялся джинн.

– Не то слово, - согласился я, отпил сока и распаковал упаковку конфет. – Дьявольски хороша.

– Леонид, - парень протянул мне руку. За линзами очков я увидел взгляд, характерный лишь для одной категории граждан – изрядно подвыпивших.

– Глен, - ответил я и посмотрел на часы. На девушку я бы еще потратил вечер, но на душевные разговоры в баре – увольте.

– Ты участник нового конкурса? – спросил он меня, когда я уже допил сок и собирался попрощаться с ним.

– Да.

– Я знаю, на предыдущем ты победил. И что за история у тебя за пазухой в этот раз?

– Хм, я развиваю тему санатория будущего, в котором пациенты могут совершать путешествия в свои прошлые жизни.

– Но ведь это уже было?

– Поэтому я и сказал – развиваю тему. Об этом можно написать роман, я думаю.

– Понятно. Желаю тебе удачи.

Я поблагодарил Леонида и сказал, что мне еще надо придумать концовку к своему рассказу, поэтому, расплатившись по счету, я направился к выходу, задержав взгляд на официантке. Как обычно бывает в реальности, она даже не посмотрела в мою сторону. Ну и черт с ней, решил я и отправился к себе в каюту».

– Георгий Аркадьевич, успокойтесь! Алла, быстрее делайте укол!

– Отпустите меня, ваш мир – фальшивка! – вопил я. Только вопить мне и оставалось, так как мои руки и ноги плотно прилегли к туловищу. Но я перестал сопротивляться еще до укола. Меня успокаивала мысль, что все происходящее нереально и является следствием моих фантазий. Я оказался их участником, застряв в глубоком сне. Со мной такое иногда случалось – я осознавал, что сплю, но не мог проснуться. И сны были неконтролируемые. Обычно они воплощались в каркасе моих литературных сюжетов, над которыми я накануне ломал голову. Неудивительно, что в этот раз меня занесло в санаторий «Стереосон», ведь именно о нем я писал перед тем, как заснул.

«Запись 9-А.

Итак, что бы мне написать в финале? Хорошо, когда такие вопросы приходится задавать себе хотя бы за пару дней до сдачи материала в руки жюри, а не за одну ночь. За поисками ответов я отправился на палубу, где уже второй день подряд наша небольшая компания молодых литераторов собиралась за завтраком, обедом и ужином, чтобы обсудить творческие дела, погоду и еще ряд маловажных тем.

– Как дела, Стивен Кинг? – спросил меня Костя Раков. Рядом с ним крутилась его миниатюрная подружка Рая. Мы были первыми птицами на палубе этим солнечным утром. – Придумал ты, наконец, свою концовку?

– Мне мешают думать мои персонажи, - ответил я.

– Это еще как? – не понял Раков.

– Залезают в голову и переносят мое сознание в этот выдуманный мир в качестве главного героя. Во время снов. Именно поэтому я и назвал свой новый рассказ «Стереосном».

– О, все понятно, - протянул Костя. – Надо сказать капитану лайнера проверить твою подушку на наличие в ней запасов марихуаны.

– Глен истинный творец, отдается делу целиком, - заметила Рая. Умная девочка.

– Ага, Филип Дик тоже отдавался делу целиком. Таких тружеников еще называют нюхачами.

– А что с ним случилось? – спросила Рая.

– Путешествие в миры собственных романов на амфетаминовой байдарке. Почитай его трилогию «Валис» и ты поймешь, о чем я.

Я не привык вмешиваться в споры об амфетаминах, марихуане и прочих стимуляторах творческой активности, но в этот раз не удержался:

– Просто признай, Кенст, что у тебя столь скудная фантазия, что ты завидуешь всем подряд, называя их нюхачами. Как правило, беспричинно.

– По крайней мере, моя фантазия кристально чиста. Чего нельзя сказать о твоей. Рыльце-то в пушку, об этом всем известно. Наверняка ты и сейчас периодически балуешься.

Бесполезно. Спорить с этим человеком все равно что пытаться стабильно зарабатывать в казино – проиграешь все накопления и уйдешь ни с чем.

– Я все не могу добиться от вас, о чем твой новый рассказ, Глен? – напористым тоном потребовала Рая, желая увести тему разговора с вязкой топи на ухабистую просеку. – Это продолжение «Санатория»?

– Да. В «Стереосне» Георгий Джинин понимает, что Глен Леонард это не его прошлое воплощение, а его создатель. Там получается рассказ в рассказе.

– То есть, он понимает, что его мир – фальшивка, а он персонаж?

– Да.

– Жестоко, - констатировала Рая. Впрочем, для сентиментальных девушек те модели бытия, в которые я вплетал своих героев, и впрямь выглядели жестокими и несправедливыми. Они так рассуждали, будто речь шла о живых людях. Затем Рая высказала мысль, заставив меня впервые глубоко задуматься в тот день:

– А ты не боишься, что сам можешь оказаться чьим-то персонажем? Или, скажем, Георгий Джинин это не вымысел, а правда. И он действительно посещает тебя, как свое прошлое тело.

– Похоже, стоит проверить подушки у вас обоих, - с наигранным раздражением сказал Раков.

– Если это так, то я величайший писатель-фантаст или даже провидец, раз сумел описать мир будущего в таких подробностях, - резонно предположил я и улыбнулся, дабы мое предположение не воспринималось слишком серьезно.

– Ты – обычный выдумщик-нюхач, а вот кто способен заглядывать в будущее, так это она, - Костя приобнял Раю и кивнул на меня. – Покажешь ему свои способности?

– Кость, я же просила, - она исподлобья смерила его недовольным взглядом.

– Да, я смотрю, ты всем тут кость в горле, - сказал я, чтобы разрядить обстановку. Про способности Раи иногда видеть будущее я слышал от Ракова давно. Но не особо в них верил, хотя и допускал. – Однако мы можем проверить правдивость твоей догадки. Загляни в 2097 год. Если там есть санаторий «Стереосон», а в нем пациент с именем Георгий Джинин, значит, я и впрямь его прошлое воплощение.

– Я не могу заглядывать так далеко, - с явным сожалением ответила Рая. – Обычно мой предел это пара дней.

– Тогда, может, предсказание результатов предстоящего конкурса? Если мне не суждено победить, то чего я ломаю голову над этим «Стереосном»?

– А вот это хорошая идея! – подхватил Раков. – Почему нам раньше она не приходила в голову?

– Ой, это будет нечестно – знать все наперед, - отмахнулась Рая. – Да и далеко не всегда мои предсказания сбываются, если честно.

– Все равно будет интересно, - я продолжал настаивать. Костя меня поддерживал, поэтому минут через десять мы добились своего».

– Отлично, вы ввели тройную дозу антисна, как я и просил? – услышал я сквозь гул внутри своей головы.

– Да, доктор. Сейчас он должен уже прийти в себя.

Я пришел в себя как по расписанию. Череп раскалывался, будто по нему ударили кувалдой. Перед глазами плавала картинка процедурного кабинета и нависших надо мной, подобно стервятникам, доктора Орехов и двух медсестер. Благо, я сразу понял, что это именно они, а не плоды моей фантазии.

– Как вы себя ощущаете, Георгий Аркадьевич? – спросил Орехов.

– Скверно, - признался я. – Это было ужасное погружение.

– Да, и не одно. Немудрено, что вы сбились со счета. Нам стоило немалых усилий и порций противоядия вывести вас из той реальности.

Я пошевелил руками, ощущая, как к конечностям возвращалась чувствительность. Затем я задал главный вопрос:

– Тот факт, что Глен Леонард писал рассказы о будущем, то есть, нашем настоящем, - правда или проекция моего видения на его мир, как вы выражались?

– Однозначно, второе, - без раздумий ответил доктор. – Я думаю, нам стоит прекратить погружения. Все равно мы стали получать не объективную картину прошлого, а фантазийную.

– Но мы ведь так и не узнали, что с ним случилось, - запротестовал я.

– Мы не знаем лишь деталей, но главная суть в том, что лайнер, на котором оказался Глен, затонул. Это документально зафиксировано в исторических документах.

– Жаль, что у нас на руках только официальные сухие факты. Для книги они малополезны.

– С этим ничего не поделать, - Орехов пожал щуплыми плечами. – Смею утверждать, что ваше сознание дороже любой книги.

С этим утверждением я решил не спорить.

«Запись 10-А.

– Ну, что ты увидела? – Раков нетерпеливо заерзал на стуле.

Я в это время старался делать две вещи одновременно: не упустить смысла предстоящего предсказания и найти взглядом официантку Веронику в зале кафе. Может, в конце концов, она хотя бы посмотрит на меня? К тому же, я собирался заказать себе завтрак.

Но вместо этого я увидел переполненные страхом глаза Раи. Об официантке и еде пришлось забыть на какое-то время, когда я узнал причину этого страха.

– О нет, надеюсь, это заблуждение, - прошептала она.

– Что? – в один голос спросили мы с Раковым.

– Я увидела... тонущий корабль. Наш. Панику и сотни утонувших людей.

Хорошее предсказание, ничего не скажешь. Главное – оптимистичное. Но я не решился шутить вслух. Кто знает, сколь часто Рая ошибалась в прогнозах? Не я точно. Костя мог знать, а еще лучше – спросить об этом ее саму. Я так и сделал.

– Примерно пятьдесят на пятьдесят, - ответила она. По ее дрожащему голосу я понял, что, возможно, процент правдивых прогнозов мог и превышать это число.

– Значит, это как встретить медведя на улицах Москвы, - все же я счел нужным сдобрить напряжение щепоткой юмора. – Вероятность – пятьдесят процентов. Можно встретить, а можно и нет.

Раков будто проглотил язык. Он молча хлопал глазками, спрятанными за линзами ботанических очков, и смотрел то на подругу, то на меня.

– Это все ты виноват! – Рая вдруг набросилась на меня. – Со своими рассказами!

– А я-то тут при чем? – этого я действительно не понимал.

– Они вцепились в мой мозг как пиявки. Я действительно нащупала некую связь с далеким будущим.

– Подробнее?

– Помимо кораблекрушения, мне еще предвиделся этот твой санаторий. Все оказалось как-то связано между собой, но я пока не могу понять, как именно. Подожди-ка, - Рая напряглась, словно пытаюсь выудить какой-то важный артефакт из сети своей памяти. – Как заканчивается твой рассказ? Второй.

– Э, я еще не придумал.

– А на чем ты сейчас остановился?

– На том, что Георгий Джинин подобрался вплотную ко дню гибели своего предшественника, Глена Леонарда.

– Дню гибели на круизном лайнере?

– Да.

Рая довольно кивнула, а Раков сидел с ничего не понимающим видом, дымясь от недовольства как недокуренная сигарета.

– Ты прописал своему персонажу смерть? – спросил Костя, будто я действительно кого-то убил.

– А что в этом такого?

– Ладно, ребят, расслабьтесь, все в порядке, - успокоила нас Рая. – Я поняла, что мне предвиделось – финал твоего рассказа, а не реальное будущее.

– А, вот как, – с недоверием проговорил я. Не знаю почему, но такая версия мне казалась еще менее правдоподобной.

– Старик оказывается в теле Глена Леонарда перед самой его смертью и не успевает вернуться обратно в свой разум. В результате чего они сливаются в одного человека и уже не могут понять, кто из них реальный, а кто – лишь выдумка другого.

– Как занятно. Пожалуй, я использую твой вариант, - я засмеялся. Меня и впрямь веселила вся эта ситуация с предсказаниями будущего и переплетением реальности и вымысла. Ракова, однако, она нисколько не веселила.

– А на какое число у тебя запланировано кораблекрушение? – спросил он.

– У меня запланировано? – вопрос мне показался нелепо-забавным. – Ты имеешь в виду, по рассказу? На 22 июля.

– То есть, на сегодня, - Костя вопросительно посмотрел на Раю. – Совпадение?

– Кость, успокойся. Конечно, совпадение. Не думаешь ли ты, что наше будущее определяется его рассказом? Или что у Глена тоже есть дар предвидения, который он принял за очередное вдохновение идеями?

– Кажется, впору проверять уже три подушки, - усмехнулся я и вновь принялся искать взглядом официантку, чтобы сделать, наконец, заказ».

Несмотря на предостережения доктора Орехова, мне удалось настоять на еще одном сплит-погружении. Спустя две недели курса интенсивной реабилитации сознания он в итоге пошел на уступку.

– Но это последний раз, Георгий Аркадьевич! – грозно предупредил главврач.

– Хорошо, - согласился я. – Мне не хватает всего финального штриха-знания для книги. Еще нескольких часов из 22 июля 2011 года.

– Надеюсь, вы осознаете, сколь велик риск деперсонализации при таком близком погружении к критической точке? Мы можем потерять вас навсегда. И что вы хотите найти там? Причину крушения лайнера? Детали смерти, что?

Я не решался ему открывать свои мотивы, дабы меня не посчитали душевнобольным. Но мне действительно казалось, что док ошибался насчет проекции видения. Как минимум, у нас с Гленом имелась двусторонняя связь, и его рассказы – не фальшивые плоды побочных эффектов. Как такое было возможно, я не знал. Я надеялся, что смогу завести с ним диалог во время предстоящего стереосна и узнать правду. Орехову я показал лишь верхушку айсберга:

– Я хочу найти там правду, - больше я ничего не стал говорить и поспешил в сплит-капсулу, дабы не нарваться на дополнительные вопросы.

«Запись 11-А.

– Ты в порядке? - спросил Раков. – Что ты съел на обед? Тебя нельзя подпускать к шведскому столу.

– Обед тут не при чем, - я облокотился о борт, вдыхая морской воздух в сжатые легкие. – Это все старикашка!

– Какой старикашка?

– Джинин. Опять залез ко мне в голову.

– Боже, но ты ведь уже дописал свой «Стереосон». Что ему от тебя надо? – теперь очередь забавляться пришла к Кенсту.

– Что-то с ним не так. Прежде со мной не происходило подобного. Мне начинает казаться... что я не я, а он.

– Нет, друг, это с тобой что-то не так. Кроме шуток, ты точно ничего не принимал?

Я задумался. Теперь я не был ни в чем уверен.

– Иди-ка лучше поспи, дай мозгам отдохнуть и пережить период интоксикации, - предложил Раков.

– Ты не понимаешь, во снах они пытаются меня, колют какие-то препараты и хотят превратить в Джинина!

– Кто – они?

– Доктор Орехов и персонал санатория. Да и сам старик.

– Черт, да ты и правда болен! Я знал, что ты не вылечишься от своей зависимости, а только напустил пыль всем в глаза!

Я взглянул на часы – без четверти три. По сюжету лайнер начнет тонуть через двадцать минут. Я не продумывал причин, кораблекрушение у меня было лишь данностью. Мне стало жарко, я зашел в уборную ближайшего кафе и умылся. Посмотрел в зеркало и застыл. На меня смотрел старик в полосатой пижаме. Я огляделся и обнаружил, что нахожусь в больничной палате. Меня затрясло, я ринулся было к двери, но какой-то сильный толчок отбросил меня обратно к умывальнику. Затылок затрещал после удара, и я уже смутно слышал какие-то голоса снаружи, крики, вопли и топотания сотен пар ног.

– Мы тонем! – донеслось до моего слуха. – Спасайтесь!

Я был не в силах пошевелиться. Топот и голоса приближались, превращаясь в однообразную массу, давящую на мозг, пока я не услышал их прямо над собой.

– Алла, быстрее носилки, бинты, обезболивающее и две ампулы антисна! – прокричал кто-то. – Он вновь оказался в уборной накануне крушения и разбил себе затылок об умывальник! Дьявол, надо было оставить его привязанным к койке еще на неделю!

Я чувствовал, как в мое тело впиваются десятки игл, покрывая тело холодной влагой. Что это было – иглы от шприцов или просто вода?

Я распластался в уборной на кафельном полу. Мое тело погружалось в соленую морскую воду. Сознание слегка прояснилось, я нащупал дверную ручку и попытался встать. Крики о помощи продолжали доноситься откуда-то сверху и снизу. Мы действительно тонем – понял я.

Я открыл дверь и зашагал по коридору, будучи по щиколотку в воде. Перед глазами стоял густой туман. Я брел, пока не наткнулся на кого-то.

– Эй, Глен, стой! – человек схватил меня за плечи и с силой потряс. Я увидел знакомое худощавое лицо Кости Ракова.

– Лайнер идет ко дну? – выговорил я через силу.

– Это ты идешь ко дну! Очнись, каких грибов ты наелся?

Я посмотрел на пол – он был чист и сух. Прислушался – никто не кричал. А затем взглянул на часы – без десяти три.

– Просто еще не время! – закричал я и помчался вверх. Раков пытался меня догнать, но бегал он значительно хуже. Вскоре мы оказались на нижней палубе. – Они хотят достать меня, как и ты сейчас! Ты их агент, засланный в реальность?

– Остановись! Что ты делаешь?!

Я подбежал к борту и посмотрел вниз. Лайнер шел с максимальной скоростью, рассекая морское полотно. Там они не доберутся до меня, пронеслось в мозгу. Я перелез через перила, оттолкнулся и прыгнул...».

– Меня зовут доктор Ибрагим Орехов, - представился хрыч в белом халате. – Скажите, вы узнаете эту девушку?

Я перевел взгляд чуть левее. Рядом с хрычом стояла миниатюрная девчушка с темно-рыжими волосами и красными заслезившимися глазами.

– Рая, как они добрались и до тебя?? – я хотел было подскочить, но плотные ремни прижимали тело к койке намертво.

После моего вопроса девушка не удержалась и разрыдалась. Я услышал, как она произнесла слово «усыпить» или похожее на него.

– Георгий Аркадьевич, это не Рая, - сказал доктор. – Это – ваша внучка Даша. Неужели вы не узнаете ее?

Это поражение. Я вновь заснул и не мог выпутаться из паутины глубокого фальшивого сна. Теперь они научились добираться и до моего окружения. Не удивлюсь, если в следующий раз они приведут в палату Кенста и скажут, что это мой внебрачный сын. Разумеется, я им не поверю. Пусть хоть обколют меня всего своими препаратами, я не поддамся им! Я не позволю своим персонажам взять меня в плен и съесть как аборигенам Кука! Ведь они – всего лишь вымысел, фальшь на бумаге...

Или нет?